

A studio photograph of two women against a dark grey background. The woman on the left is wearing a black, long-sleeved, backless top and is looking upwards and to the left. The woman on the right is wearing a white, short-sleeved top and is looking directly at the camera. She has her hand on the shoulder of the woman in black. The text is overlaid in the center of the image.

А.Борисов
Глубокое
Погружение

Алексей Борисов

Глубокое погружение

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борисов А. В.

Глубокое погружение / А. В. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Несказанное везенье – безработной выпускнице педвуза удастся устроиться репетитором в семейство местного олигарха. В случае успеха брезжит аспирантура, защита диссертации. Но на пути амбициозных планов – разлад в семье ученицы из-за ее нежелания иметь детей от своего мужа. Юная учительница предлагает ей втайне зачать от другого мужчины и предлагает на роль донора собственного любовника. Что из этого может получиться? Разумеется, серия волнующих приключений с неизбежным хэппи эндом.

Содержание

Глубокое погружение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глубокое погружение

– Здравствуйте! Здесь нужен учитель французского языка?

– Да. Проходите!

Вчера, уходя, уже в дверях Коля сказал:

– Кстати, ты теперь все равно целыми днями дурака валяешь. У меня есть на примете адресок – там одна навороченная телка по сокровищницам мировой культуры тоскует. Сходи, порепетиторствуй, мужик у нее башляет, в накладе не останешься, – так что в это жилище я ступила, глаза по сторонам, как в Эрмитаже. И было, ради чего: от самого порога – сплошной ампир с массивными вкраплениями позднего рококо и раннего барокко – аж в глазах рябит! Можно представить, какова же будет моя будущая ученица! Судя по интерьеру, хозяин этих апартаментов мог позволить себе приобрести лучший экземпляр женской нарезки в радиусе нескольких парсеков...

Но действительность превосходила все ожидания: навстречу мне выступала настоящая Афродита, рождающаяся из пены жемчужного пенъюара – мадам явно относилась к той категории наших соотечественников, у которых утро завершается после файф-о-клока. Ослепительно правильное лицо античной скульптуры, плавные волны густых волос, осино-тонкая талия, роскошные бедра, превращающие всю ее фигуру в бесподобное подобие минойской амфоры... И невероятно пышный бюст, откровенно семафорящий сквозь полупрозрачную ткань блюдцами околососковых венцов цвета засахаренной вишни: «Не подходи! Получишь комплекс собственной неполноценности!»

– Присаживайтесь, пожалуйста! – у нее оказался грудной, переливчатый голос. – Вы ведь преподавательница? Видите ли, мой муж не позволяет мне работать, а, чтобы я окончательно не деградировала, решил занять меня изучением чего-нибудь полезного, ха-ха! Например, иностранного языка. Мол, тогда не будет стыдно прошвырнуться со мной за границу... И заодно утилизировать в качестве персональной переводчицы, – легкая усмешка пробежала по ее устам. – Садитесь же! – я невольно поймала себя на том, что стою перед своей будущей ученицей истуканом, не в силах поверить в то, что природа может позволить себе израсходовать столько своего великолепия лишь на одно лишь свое творение. – Давайте же начнем! – призывал ее переливчатый голос, и я, теряясь и роняя на стол конспекты, залепетала:

– Французский язык отличается от русского...

Так начались наши занятия. Я приходила к ней с утра, раскладывала на столе учебники и словари и начинала долдонить урок. Она же сидела в своем прелестном утреннем неглиже отстранено, расслабленно, глядя отсутствующим взором куда-то в окно, иногда рассеяно повторяя за мной чужеземные звуки и слова, иногда просто виновато улыбаясь в ответ на мою фразу и бормоча что-нибудь вроде: «Извините, я не расслышала. Просто немного задумалась», – и на этом все мои педагогические потуги наглухо клинило. Она буквально наполняла пространство вокруг себя парадоксальной смесью эротизма и сонно-величавой апатии. Стоило мне поднять глаза, и я плыла в мареве излучаемого ею гипнотического, чувственного тепла. Я не смела даже попросить ее быть внимательнее и пугливо утыкалась обратно в учебник, бормоча лингвистическое занудство.

Не скажу, чтобы я была большой энтузиасткой педагогики. Во всяком случае, безболезненно пережила тот факт, что после института не удалось устроиться в школу по специальности. Но фиаско всех моих попыток преподавать этой женщине, обучить, передать ей знания или просто хоть как-то привлечь ее внимание к тому, что я ей говорю, все более выводило меня из себя. Временами мне даже приходила мысль, не страдает ли моя удивительная подопечная начальной формой какого-нибудь умственного расстройства; в ее летаргической

отстраненности от всего на свете была загадка, которую я не могла разгадать, и это было по-настоящему мучительно, создавало ощущение томительной подвешенности, собственной никчемности.

Все валилось из рук. Даже наши встречи с Николаем, раньше – яркие, бурные, фантазмагорические, стали пресно-протокольными, неживыми, и весь ход серого и пустого дня сосредотачивался на одном устремлении: дожидаться утра, войти в наполненную магической аурой этой женщины комнату и снова начать разгадывать ее тайну; вбивать ей в голову французские падежи и склонения, пытаюсь угадать, вызывают ли в ее сознании хоть какой-нибудь отклик мои педагогические потуги.

При этом она вовсе не была глупа. В редкие минуты «пробуждений» демонстрировала цепкий ум, неплохую эрудицию, могла запросто процитировать какого-нибудь поэта – Тютчева или Бальмонта, Лермонтова или Блока. Когда удавалось задержать ее внимание, прекрасно усваивала учебный материал, легко запоминала большие куски словаря. Но это получалось так редко!

Я чувствовала, что должна найти некий ключик к этому прекрасному ларцу, как-то проникнуть внутрь него, переполошить, внедриться, угнездиться, и тогда... Тогда...

Я не знала, что произойдет «тогда», но у меня было ощущение, что произойдет нечто чудесное, падет какая-то завеса, я получу какую-то неведомую силу, власть над этим погруженным в блаженную нирвану сфинксом, и я вдруг превращусь в то, чем мечтала стать в своем невинном детстве – строгой, но обожаемой своими учениками учительницей, властительницей умов и упоительным магнитом для десятков неотрывных и восторженных глаз!

Но у меня ничего не получалось

Я не выдержала в конце третьей недели занятий. Когда моя клиентка в очередной раз погрузилась в свою летаргию, со словами:

– Валерия Константиновна, вы меня совсем не слушаете! – поднялась и с показным усердием принялась собирать конспекты. – В конце концов, мне неудобно брать деньги ни за что! Наши уроки не имеют совершенно никакого смысла.

– Что вы, что вы! – встрепелась моя подопечная. – Мне очень интересно! Говорите, говорите! Вы так хорошо рассказываете! Продолжайте, пожалуйста! – но уже к окончанию этой фразы было заметно, как ее глаза вновь затянулись сонной паволокой и обратились внутрь себя. – Не уходите, я вас очень прошу, – совсем слабо выговорила она и неожиданно коснулась моей кисти своими детски-пухлыми, лучащимися теплом пальцами.

– Но... Но... Но так, как мы занимались до сих пор, продолжать невозможно, – конспекты вывалились из моих рук. – Попробуйте концентрировать внимание. Надо что-нибудь придумать, – мысли каруселью неслись в моей голове. – Давайте хотя бы попробуем сценки разыгрывать. Диалоги. Как в школе, на уроках.

– Ах, да! Да! – моя подопечная вдруг развеселилась, совсем как девочка. – Конечно, мы будем разыгрывать сценки! Это же замечательно! – я не была уверена в том, что она отчетливо сознает, о чем идет речь, но вновь подседа к столу, плотно и решительно, почти уперлась коленками в ее колени, уставилась, гипнотизируя, в ее бездумные зеленые глаза:

– Тогда так. Представьте, что мы едем в поезде. «Париж-Марсель». Купе. Нас двое. Нам надо познакомиться. *Bon jour, madame! Je m'appelle Jean. Quelle l'heur est il?*¹ – выговорила я стандартную фразу.

– *Tu s'appelle Jean?*² – неожиданно складно ответила моя ученица. – *Tres amusant!*³ Но нет! Тогда надо не так! – она вскочила и выбежала из комнаты, но через полминуты вер-

¹ *Добрый день, мадам! Меня зовут Жан. Который час?*

² *Тебя зовут Жан?*

³ *Очень удивительно!*

нулась, держа в руках старомодную мохнатую кепку и какой-то совершенно клошарский пиджак. – Пожалуйста, оденьте вот это! Я вас очень прошу. Давайте еще раз, ну, пожалуйста, – она предвкушающе уселась напротив и окатила меня из своих глаз целым водопадом чуть ироничного восторга. – Ко мне так давно никто не клеился! Тем более – настоящий француз!

– Bon jour, madame! Je m'appelle Jean, – в мохнатой кепке с выгнутым козырьком и свисающем ниже колен пиджаке я выглядела как настоящий гаврош. – Quelle l'heur est il?

– Il est... Il est⁴, – чуточку замешкалась моя партнерша, вскидывая глаза на часы, – demi a douze!⁵ Правильно, ведь да? – новый водопадик изумрудного света. – Давайте дальше! О чем еще говорят французы, когда пристают к барышням? О погоде? – и у нас неожиданно все пошло на лад. Мы говорили, говорили, путая слова, запинаясь, смеясь нелепостям и ошибкам, крича и волнуясь, и у нас все получалось. Минуты понеслись вихрем, часы летели один за другим, и я и не заметила, что мне пора уходить, что урок давно окончился:

– Извините, Валерия, – я потихоньку стала опускать обращение к ней по отчеству, – мне надо бежать. Я бы с удовольствием, но, понимаете... У меня rendez-vous⁶. Очень нужная встреча. Я уже опаздываю...

– Счастливая! Конечно, беги! – она откинулась на своем кресле, блаженно потянулась, закидывая за голову кисти рук, и я с неожиданным, щемящим чувством увидела, как ее грандиозные груди глыбятся, подобно массивным прибрежным валунам, вздымая и натягивая сосками невесомую ткань пеньюара. На какой-то миг представила себе, что она чувствует, ощущает этими своими фантастическими полушариями, когда ее ласкают, мнут, тискают крепкие мужские руки, и меня обдало жаром.

– А для француза вы, месье Жан, очень застенчивый кавалер, – с металлическими, скребущими нотками вдруг заговорила Валерия. – Могли хотя бы взять меня за руку. А то и попытаться поцеловать! – в ответ я вспыхнула, фыркнула, пробормотав что-то несурзное, рванулась к двери. – Нет способа чудесней изучать язык страны иной, чем считывая слова и фразы с уст любимых! – торжествующе декламирует мне вслед Валерия Константиновна, и я, затормозив у самой двери, растерянно демонстрирую зачатки эрудиции:

– Байрон. Кажется, “Корсар”, – моя ученица подтверждает:

– Очень вольный перевод... Удачи тебе! До завтра!

– A domain!⁷ – я вываливаюсь из будуара Валерии, сомнабулически бреду по коридору, размеченному атлантами и кариатидами, словно верстовыми столбами, и вдруг понимаю, что мои уроки прошли отнюдь не даром. Моя ученица знает и понимает гораздо больше, чем представлялось мне. Просто настолько пренебрегает мною, что не считает нужным показывать мне это.

И все-таки я достала ее своим поездом «Париж -Марсель»!

Конечно, дела обстояли далеко не так чудесно, как мне представлялось в день моего «педагогического прорыва». Уже на следующее утро Валерия встретила меня рассеянно, погруженная в собственные непроницаемые мысли, слушала невнимательно, отвечала невпопад. «Месье Жан» не вызвал никакой реакции, поезд «Париж-Марсель» намертво застрял на глухом полустанке неправильных глаголов. Я билась о ее безучастность, как рыба об лед. Наконец, после четвертой попытки вдолбить в безмятежное чело моей подопечной формы глагола *etre*, я решила «разбудить» ее:

⁴ Сейчас...Сейчас

⁵ половина двенадцатого!

⁶ свидание

⁷ до завтра!

– Валерия, у нас все так хорошо шло вчера! А сейчас опять уходит время впустую. Что случилось?

– Вчера? – она обернулась, и ее изумительные глаза плавно обволокли меня изумрудным коконом своего сияния. – Что было вчера? Ах, да, да, извините пожалуйста, я опять забылась. Все думаю вот. Думаю, и не знаю, что мне придумать, – она оценивающе взвесила взглядом мою мордашку. – В принципе – обычная ерунда. Маленькие неполадки в двухместной палатке... Видите ли, у меня есть муж – хороший, богатый и сильный муж, и он держит меня в холе, довольстве и почтении, и еще у него есть любовница.

– Как?! – я округлила глаза. – Он вас не любит? – сама идея измены этой женщине представлялась мне святотатственной – чего же еще тогда надо этим свиньям-мужикам?

– Любит – не любит... Жизнь ведь не считалочка... Конечно, любит, – голос ее странно заскрежетал, – все, как полагается, со всеми причитающимися аксессуарами! Но ее – ту женщину – он вожделеет! Он дышит ею, он приходит от нее, будто живой водой омытый!

– Не может быть! – я подалась к ней. – Да любой мужик полжизни отдаст за то, чтобы просто постоять возле вас! Ваш благоверный просто сумасшедший!

– Правда? Вы замужем?

– Нет! Но все равно!..

– Однако у тебя есть кто-то?

– Да, да, конечно! – у меня почему-то быстро сохло во рту.

– И ты счастлива с ним?

– Да, да! – господи, счастлива ли я с Колей? О, нет, слова «счастливы», «счастье» слишком плоски, мелки, чтобы определять такие вещи! Он – он мне просто необходим, без него все на свете теряет смысл!

Клька врывается в мое пустопорожнее девичье существование как смерч, как ураган, и оплодотворяет его собой – своим смехом, своим медвежачьим жизнелюбием, своей жаждой схватить, познать, захватить весь мир! Он как сосульку растворяет меня в себе, и на вершине нашего слияния простой биологический акт превращается в пуповину, связывающую меня со всей громадной, бурлящей Вселенной, со всеми делами и судьбами, которые в ней вершатся! Во всяком случае, так мне казалось, и разве такое передашь словами?

– Кто он у тебя?

– Так, ничего особенного. Шоферит. Возит на «Мерсе» новорусского братка. После обеда бизнюк блюдет полуденную сиесту, а мы с Колей устраиваем свою маленькую фиесту! – прихвастнула я; меня тянуло говорить, рассказывать ей все, все, раскрываться – лишь бы она меня слушала!

– Расскажи, как вы познакомились?

– Мокли на остановке под дождем. Он был так похож на лохматого бездомного барбоса. Я пустила его под зонтик...

– Чудесно! Какая ты счастливая! А он как-нибудь называет тебя по-особому?

– Да. «Орешек», – я застенчиво хихикнула. У меня смуглое личико с заостренным подбородком, ко мне легко пристаёт загар, и вообще, я – тонкая и гибкая, как ореховый пруток, и грудки у меня небольшие, но упругие и стоят торчком, как готовые лопнуть почки, и тогда, в наш первый раз, трогая меня, Коля шептал: «Орешек... Орешек...»

– Что же вы не поженитесь?

– Да он уже женат... Обещает, конечно, развестись, но даже не слишком старается, чтобы я поверила... Да и где жить? Встречаться, и то приходится, пока родителей нет дома. Мама пойдет на пенсию, и получится в точности по Беранже: «А в сентябре прощай любовь!»

– Как я вам завидую, – с неожиданной искренностью вздохнула Валерия. – Однако, на чем мы остановились? Месье Жан? – на ее губах вновь возникла неуловимо-ироничная и,

одновременно, чарующая улыбка. – Куда мы поедem сегодня? В Марсель? Бордо? Может, на самолете в Нью-Йорк? Хотите? Я подойду на роль стюардессы? – она приподнялась с кресла, в служебном полупоклоне склонилась ко мне: – *Monsieur Jean! Voulez vous un café?*⁸ Нет, нет, подожди секундочку! Театр начинается с вешалки и для артиста! – она вышла из комнаты и вернулась вновь, но уже в «униформе стюардессы» – коротенькой темно-синей плиссированной юбочке, почти полностью открывающей божественной полноты бедра, и голубой сорочке, расстегнутой на две верхние пуговицы, с салфеткой на согнутой руке. – Месье Жан! Как я вам? *Voulez vous quelque chose?*⁹ – она вновь наклонилась ко мне, и я увидела в вырезе сорочки, как тяжело качнулись ее груди, натягивая и почти разрывая ткань сорочки. Будь на моем месте мужчина... Мама! На авиалинии с такой стюардессой самолеты ломились бы от наплыва пассажиров!

– *Un verre d'eau... Et un marceau de pain*¹⁰.

– И... И... О чем еще спрашивают стюардессы? Нет, ну так невозможно! – Валерия рассмеялась, отбрасывая салфетку. – Я так не могу! Одновременно и придумывать, что может сказать стюардесса, и переводить это на французский... Это выше моих умственных способностей! У меня нет профессиональных навыков стюардессы! Орешек, надо написать сначала какую-нибудь шпаргалку! Сегодня я – стюардесса, завтра – медсестра... как в немецком кино! Хотя бы знать, о чем говорить.. В школе, в театральном кружке мы так всегда делали, да! Мы даже ставили «Сирано де Бержерака»! В десятом классе!

– Ты была Роксаной?

– *Oui!*¹¹ Как ты угадала?

– Дедукция! – я еще раз окинула взглядом ее фигуру. – От тебя, наверное, все мальчишки в классе были без ума.

– Ах, оставь! Но я до сих пор помню заключительную сцену в парке сестер Святого Креста. Ту, в которой смертельно раненный Сирано приходит к Роксане. Со знаменитых слов: «Ну, что ж, моя газета сегодня запоздала – в первый раз за десять лет? И вам не стыдно?»

– А ты попробуй пересказать по-французски!

– А ты будешь помогать? – с внезапным азартом переспросила Валерия. – Нет, подожди, подожди... Я сама! *Mon journal est retardé aujourd'hui*¹², – и, то запинаясь, то, будто с размаху, выпаливая целые фразы, она заговорила – красиво, правильно, словно знала французский язык с рождения, и это знание должно было в ней только пробудиться. Я едва успевала подсказывать ей еще незнакомые слова и обороты и вставлять реплики за Бержерака, насколько помнила пьесу. Но если я где-то и отклонялась от текста, Валерия не замечала: она превратилась в настоящую Роксану – пылкую, открывающую себе волшебную тайну многолетнего преклонения и горечь упущенных шансов. И без того прекрасное лицо ее осветилось воодушевлением; в голосе звучали то боль, то ласка, и почти незнакомые ей слова и выражения чужеземного языка срывались с ее уст с неожиданной и восхитительно верной грацией, как если бы она родилась и выросла на родине великого Ростана и впитала в себя дух Франции и ее речи.

Это было чудесно. Я невольно подумала, что в ней проснулось некое старое воспоминание, память о какой-нибудь прошлой, школьной влюбленности, о том, как она лет пятнадцать назад играла с каким-нибудь мальчиком эту сцену, и они объяснялись друг другу в

⁸ Месье Жан! Не хотите ли кофе?

⁹ Хотите еще чего-нибудь?

¹⁰ Стакан воды... И кусочек хлеба

¹¹ Да!

¹² Моя газета запоздала сегодня

любви, не смея произнести единственные слова «взаправду» и произнося их вновь и вновь «понарошку», в личинах трагических героев...

Когда мы закончили, я могла бы смело отпустить Валерию хоть в Париж, хоть в Марсель. За эти полдня она узнала больше, чем за все предыдущие недели наших занятий. Но главное – главное – найдена дорога к обладанию, повелеванию этим сфинксом! У нее удивительная память, она фантастически артистична, бесподобно вживается в роль, буквально живет в образе. Ее увлекает перевоплощение, в нем она явно находит отдушину, простор для своей сильной, ищущей натуры!

Сколько пьес еще написал Ростан? “Принцессу грёз”, “Романтики”, “Шантеклер”? Конечно, за Ануя или Корнеля нам братья рано, но, к примеру, Мольер... Нет, нет, у нее явная тяга к романтико-героическим образам! Возможно, лучше всего Виктор Гюго. «Эрнани»? А Бомарше, Бомарше! Как я могла забыть про Бомарше? Она будет просто чудо в роли Розины!

Это настоящее открытие, тема для диссертации. «Преподавание французского языка методом глубокого погружения в театральный образ». Кстати, почему бы мне не поступить в аспирантуру? Аспирантам ведь платят вполне приличную стипендию?

Надо только набрать материал, довести до полного успеха занятия с Валерией. Может, записывать наши уроки на диктофон? Снимать на мобильник? А я... Я... Как я буду выглядеть перед лицом диссертационной комиссии в роли Фигаро или, допустим, князя Рюделя? Мой мальчишеский голосок и грозные, гневные фразы! Такая ерунда, а может дискредитировать большую работу!

Ну почему, почему все романтические и героические драмы написаны под роли мужиков? Почему нет ничего подобного для женщин? Типа, мир погибает, а я его спасаю? Почему? Потому что все героические пьесы писали сволочи-мужики?

Вот она, дискриминация! Двойные стандарты!

Хотя, какую же такую героико-романтическую пьесу для шустрой нимфетки я хочу изобразить?

Я представила себе физиономии суровых дядь и тетя из диссертационной комиссии и хихикнула. С диссертацией придется обождать. Но все равно! Мысль об аспирантуре смотрится аппетитно. В конце концов, где бедной девушке искать на старости лет женихов, как не под высокими потолками библиотечных залов?

После театрализации уроков дела у нас с Валерией пошли на лад. Процесс мою студентку увлек. Сначала мы пытались разыгрывать стандартные сценки из методичек, но неизменно возвращались к Ростану, к его героической саге про Сирано де Бержерака.

Почему?

Влекло ли ее необыкновенное дарование этого поэта, его чеканные и в то же время так сильно и неожиданно захватывающие душу стихи? Так верно и чутко находящие резонанс в сердце любого человека, если только тот хоть раз в жизни любил? Находила ли она в своей судьбе что-то, схожее с историей Роксаны? Или же ей, в школьные годы на репетициях театрального кружка зазубрившей перевод Щепкиной-Куперник, просто доставляло удовольствие повторение известного текста на языке оригинала – повторение звучное и сочное, первородное? Сравнение ритмов, каденса, и вызываемых эмоций, навеваемых чувств?

И все-таки чем дальше шли наши занятия, тем больше я склонялась к версии о первой влюбленности. Той самой – полудетской, отроческой, пьяняще головокружительной и всегда несчастной, которая, как зажившая и заросшая рана, вдруг начинает сладко и совершенно неожиданно свербить от совершенно отвлеченного, никак несвязанного, на первый взгляд, с обстоятельствами самого ранения напоминания. Как саднят усталые ноги, когда вечером, в туристический палатке, их вытянешь после долгого и изнурительного дневного похода. Как

вдруг защемляет сердце, когда, разбирая свои старые школьные тетрадки, вдруг находишь между страниц засохший кленовый лист, сорванный когда-то, где-то, вместе с кем-то!

Разорванные билеты в кино... Промокашка с наивным рисунком, выполненным шариковой ручкой... Ох, как много тогда мог сказать такой рисунок, какие водовороты чувств закружить!

Но с годами мы становимся все беднее и беднее, и видим в вещах одни только вещи, в словах слышим только слова, и лишь иногда, на краткие моменты пробуждения – вот так, случайно наткнувшись в письменном столе или в старой сумке на кусочек собственного прошлого, погружаемся в тот удивительный мир, в котором классные комнаты были наполнены неслышным, но оглушительным звоном шпак и шорохом мантилий, гимнастические залы превращались в площади Вероны и пустыри у Нельской башни, а рядовая школьная линейка – в смотр мушкетерских рот...

Моей же ученице повезло в том смысле, что в качестве весточки из того восхитительного отроческого мира досталась не истрепанная промокашка или затертый билет на вечерний сеанс, а целая пьеса, причем одно из лучших романтических произведений в истории мировой драматургии! Так стоит ли удивляться тому, что наши занятия ее так захватили?

Иногда, особенно когда мы проигрывали сценки третьего действия («Поцелуй Роксаны» – хотя актам пьес и не принято, как главам романов, давать названия, Ростан совершил эту вольность), в мою голову действительно закрадывалась мысль: а сознает ли моя подруга, что перед нею не тот мальчик из десятого «А» или «Б», которому она обращала полтора десятка лет назад строчки бессмертной пьесы, а совершенно другой человек, причем одного с ней пола! Но прервать ее ностальгический транс я просто не осмеливалась. Ее лицо замирало передо мной в ожидании – чувственное и зовущее, с полужакрытыми глазами, окутанными вуалью длинных ресниц, и с полуоткрытыми губами, сочными и прохладными, словно вишни, вызревшие в тени векового сада. И чем они ближе, чем сильнее запрокидывается лицо Валерии, тем отчетливее ощущается их вишневая спелость!

И вот... «Сцена на балконе». Та самая: «Послушайте, от вас не утаю!

Я не хочу прогнать блаженное мгновенье,

В котором для меня такое упоенье», – для пущего правдоподобия, для ощущения ночи Валерия задернула окно тяжелыми шторами, и в комнате было бы совсем темно, если бы лучи летнего солнца не ломились с такой силой сквозь массивную ткань.

И эта темнота скрадывает пространство, и когда она склоняется ко мне со своего пуфика-балкона, я неожиданно ощущаю на щеке ее чуть влажное дыхание и сознаю, что ее губы ищут мои, что их разделяет всего лишь дюйм, полдюйма, осьмушка дюйма, последний микрон толщиной в нежность розового лепестка и в трепет березового листа!

И на этом микроне лицо Валерии замирает в умиротворенной маске, белки глаз отличаются голубизной, и я вдруг отчетливо представляю себе, какая жажда и нега таится за этой видимой бесстрастностью...

... На четвертом курсе я посвятила свою конкурсную кафедральную работу проблемам перевода «Саги о Форсайтах». Тогда мне хотелось как-нибудь соригинальничать. Примерно четыре странички плотно уснастила собственными измышлениями о том, как надо переводить в текстах Голсуорси определение «passive» – старина Джон любил почему-то использовать это словечко при описаниях влюбленных женщин, особенно – в сценах свиданий Ирэн с Джолойном.

Однако, Голсуорси-то любил, а что делать нам, бедолагам-лингвистам? Не переводить же «her passive face» как «ее пассивное лицо»? Но как? «Безучастное»? «Стылое»? «Покорное»?

И вот, когда я тараторила с кафедры свои изыскания, Анна Владиславована, моя учительница английского, внезапно прервала:

– А почему бы тебе не переводить как «страстное»?

– Но почему? «Passive» – и вдруг «страстное»?

– А если Голсуорси чувствовал какую-то внутреннюю связь с существительным «passion» – «страсть»? – и в этот день пять лет спустя, в полутемной комнате коттеджа моей ученицы, я вдруг поняла, что Анна Владиславовна тогда была права, что страсть и бесстрастие на самом деле очень близкие вещи, и различие между ними измеряется как раз толщиной того розового лепестка, что трепетал между нашими иссохшимися губами...

... И потом Валерия распахивала шторы, и ее силуэт чернел на фоне ослепительного июньского утра бесподобным фонтаном, фейерверком торжествующей плоти, и, оборачиваясь ко мне, она спросила:

– Так почему же все-таки Сирано де Бержерак не женился на Роксане?

– Не знаю... Не знаю, – пролепетала я, еще не осознав сути вопроса. – У него же был нос! Огромный уродливый нос, которого он безумно стеснялся!

– Нос? – Валерия коротко хохотнула. – Ты хоть раз видела мужчину с комплексом собственного носа? Если уж они будут комплексовать, то совершенно по иному поводу! Не тот, извини, уровень рефлексии. Если не Роксану, то хотя бы какую-нибудь гризетку он мог себе привести, как ты думаешь? Ан нет! Впрягся нянчиться с красавчиком Кретьеном де Невиллетом! К тому же во Франции, в XVII веке, шнобеля были в моде. Детям из дворянских семей в младенчестве специально зажимали носы между двух щечек-прищечек, чтобы те у них росли большими и горбатыми. А тут... Бретёр, сорви-голова, виршеплет и романист – и вдруг застенялся собственного носа!

– Но... Что ты хочешь сказать? – слабо, растерянно, с каким-то внутренним предчувствием выдавила я.

– А тебе не приходило в голову, что Сирано де Бержерак был женщиной?

...Наш разговор так и не кончился. Завис в воздухе, потерялся в лукаво подрагивающих кончиках ее губ, в мерцающей теплоте внезапно затуманившихся глаз, в переливчатом, горловом смехе, взлетающим, словно волан над сеткой во время игры в бадминтон. И от Валерии в тот день я убегала в какой-то растерянности, смутной задумчивости.

А что, если Сирано де Бержерак все-таки был женщиной?

Эта мысль настигает меня посреди улицы, под проливным дождем (я даже не заметила, как он начался).

А ведь она права! Права! Все сходится!

Но как она догадалась? И как такая мысль могла придти именно ей, в ее бездумно-летаргическую головку?

Или же ее летаргия – лишь ответ на невозможность любви того Бержерака, к которому она клонилась с высоты своего балкона?

Неужели я разгадала загадку сфинкса? Ведь мальчики так редко изъявляют желание ходить в театральные кружки! И как часто мужские роли приходится играть девочкам!

Неужели все так просто?

Или, наоборот, сложно? И все это – ресницы, трепещущие словно крылья бабочки, и глаз, большой и удивленный, испытующий и познающий, первооткрывающий... Ее движения, походка, сильные и стремительные движения мускулистых бедер, заставляющие полы пеньюара взлетать, словно волны у штевня моторки, режущей воду, и грива густых волос, рассыпанная по подушке в пастельном полумраке будуара – все это обращено ко мне?

Что за дурь мне в голову лезет?! Ведь я же нормальная девчонка! У меня парень есть! И мне нравится все, что между нами происходит! Все-все-все! – я несусь под струями ливня, стрекоча каблуками в каскадах брызг – скорее, скорее!

Колькин лимузин – точнее, тачку его хозяина – замечаю еще издали – мой любимый апаш сидит у открытого окна и мнет размокшую сигарету. Видимо, наливается раздражением: ох уж эти мужики! Словно я только и должна, что ждать его готовенькая и в уютно нагретом гнездышке! Не даю ему сказать ни слова, распахиваю дверь, тащу его за руку из салона, висну на шее, впиваюсь в покалывающую щеку:

– Коленька!

– Орешек, что с тобой, откуда ты?

– Я вышла... Встретить тебя, – задыхаясь, вру ему и с разбега едва не опрокидываю на мокрую щетину приподъездной растительности. – Я хочу... Под дождем! – хватаю его руку и тащу себе под плащ, наваливаюсь всем жаром разъяренного тела. Эротическое берсеркство кружит меня, я тяну его за угол, за кусты акации...

– У тебя что, крыша поехала?

– Не-ет! Не-ет! – если в тот ненастный день кто-нибудь из обитателей дома напротив сподобился выглянуть в окно, то удостоился бы возможности поглазеть, как растрепанная обезумевшая девка насилует под проливным дождем статного парня в щеголеватом замшевом блейзере – карабкаясь к нему на бедра, прижимая к мокрой панельной стене, откидываясь всем телом и запрокидывая лицо навстречу хлещущим с неба потокам – снимая с себя то ли заклятие, то ли порожденное небрежной фразой про незадачливого бретера XVII века наваждение...

После сцены с балконом я хотела бросить уроки с Валерией. Но потом решила, что достаточно будет изгнать из нашего репертуара Ростана. Разве недостаточно для театрализации наших уроков, скажем, сказок братьев Гримм или безобидных пьесок Мольера?

Валерия словно не заметила перемены. С равным энтузиазмом она изображала Розину из «Цирюльника» и Терезу из «Дикарки» Ануя.

Название цветов и деревьев изучали, сочинив встречу Семирамиды с Соломоном в висячих садах Вавилона – если бы вы могли представить Валерию в самодельной короне и юбке из порезанной соломкой фольги! С грудью, прикрытой лишь густой завесой из бус!

Страны и континенты проходили, отправившись на поиски сокровищ на «корабле» из сваленных на полу подушек, разглядывая через «подзорную трубу» из свернутого журнала «проплывающие» мимо окон коттеджа клумбы приусадебного участка.

Погорели на «Красной Шапочке». Сказку Перро решили использовать для самой пикантной темы – изучения названий частей человеческого тела.

– Бабушка, бабушка, а зачем тебе такие большие глаза? – я сижу в красной беретке на краешке дивана, развалившись на котором, Валерия изображает из себя сказочную бабулю.

– Чтобы лучше тебя видеть, внучка!

– Бабушка, бабушка, а зачем тебе такие большие уши?

– Чтобы лучше слышать тебя, внучка!

– Бабушка, бабушка, зачем тебе такие большие руки?

– Чтобы лапнуть тебя, внученька! – она ловко ловит мою кисть, острые ноготки щекотно скользят по голубым жилкам, замирают к мягкой ямке на сгибе руки.

– Бабушка, бабушка, а зачем тебе такие большие зубы?

– Чтобы съесть тебя, внучка! – моя ученица тянет меня за руку, серебристо хихичет и шепчет мне в ухо, уже по-русски:

– У тебя кожа – как персик! Так и хочется съесть! Чур я – волк! – словно по команде Валерия превращается в свирепого зверя, одним движением опрокидывает меня на диван, вскидывается надо мной: – Je tu mangerai!¹³ – она сминая меня, поднимает растопыренные

¹³ Я тебя съем!

пятерни, имитируя звериные лапы. Я взбрыкивая и пыхчу, пытаюсь напомнить ей, кто тут педагог. Но Валерия словно не слышит и рычит, периодически переходя с французского на русский:

– Je vais manger ton ventre! Je vais manger ton poitrine!¹⁴ Попалась, хитрая девчонка! – продолжая дурачиться, она задирает на мне футболку и царапает за бока. Я ворочаюсь вырываюсь, но Валерия заметно сильнее и при всякой попытке сопротивления легко прижимает меня к дивану. Пеньюар на ней распахнулся и теперь при каждом «борцовском захвате» я ощущаю голой кожей ее полную грудь, тугую гладкость чуть влажной кожи, бархатистость сосков, и замираю, боясь причинить ей боль неосторожным движением.

Задрав на мне футболку и «докушав» верхнюю половину моей тушки, Валерия рычит: – Я съем твои ноги, я съем тебя всю! – и, дурачась, щиплет меня за ляжку: судьба Красной шапочки повторяется по полной программе!

Окончательно разыгравшись, моя «ученица» переворачивает меня на живот, и в этот миг я с выворачивающим кишки ужасом вижу, что дверь в комнату приоткрыта и в узкой щели на высоте человеческого роста висит большой, круглый, пристальный глаз! На нас смотрят! За нами следят! И я лежу, свесившись с дивана, голая по пояс! Мамоньки! И по мне ползает, то ли кусая, то ли целуя, другая полуголая женщина! Что о нас подумают! Нетвердыми руками подтягиваю к себе Валерию, шепчу в жемчужную раковину ее уха:

– Кто-то подглядывает! – одними только бровями указываю в сторону двери, вижу, как она быстро вскидывает глаза и радостно вскрикивает:

– Ага, охотники пришли!

– Нет, на нас, правда, кто-то смотрит! – одними только бровями указываю в сторону двери; вижу, как Валерия быстро вскидывает глаза и тут же шипит:

– Лаплас, поросенок! Как же я забыла? – в глазах ее мелькает растерянность

– Какой Лаплас?

– Обыкновенный! Ты что, неужели не обратила внимания? Он же каждый день открывает тебе дверь! – мы обе развалились поперек дивана и шепчемся, пытаюсь прикрыться скудным кровом ее пеньюара.

– Да? – я смутно припоминаю долговязого длинноволосого сутулого парнишку в линялой футболке и затертых джинсах. Он действительно несколько раз попадался мне в прихожей – невнятно здоровался и, молча, ускользал. Я его, и правда, едва ли замечала. – Кто он?

– Да так! Живет у нас! Мужнин родственник. Седьмая вода на киселе. Приехал из какого-то Нижнепята сделать переворот в науке и так нигде и не пристроился. Компьютерный гений. Непризнанный Билл Гейтс. Пусть живет – домина вон какой здоровый! А там, глядишь, муж ему фирму откроет, начнет лабать какие-нибудь сайты или программы, – мы лихорадочно переговариваемся, настороженно вслушиваясь к звукам в недрах коттеджа. – Господи, что же делать-то? И мужу ведь не пожалуешься!

– Жаловаться? – слабость подруги не просто возвращает мне присутствие духа, но даже вселяет какую-то удасть. – Да мы сами его в бараний рог скрутим! – в моей голове моментально созревает немудреный план. – Ну-ка, отвлеки его! – команду Лере и скатываюсь с дивана, отползаю за пределы видимости из дверной щели, по-рысьи подбираюсь у стены, крадусь вдоль нее – смуглая Багира, гибкая, напружиненная, готовая в любой момент разрядиться смертоносным броском, и краем глаза слежу за тем, как моя ученица, раскинувшись посреди дивана, с деланным сладострастием поглаживает свои титанические полушария – как быстро вошла в новую роль!

Вот и дверь. Слышно, как за тонкой ДеэСПешной плитой напряженно дышит тот, другой человек. Из всех сил рву на себя ручку, хватаю его за волосы, дергаю вперед и вниз,

¹⁴ Я съем твой живот! Я съем твою грудь!

тащу на пол! Заскочив со спины, вцепляюсь ему в плечи и со всей дури упираюсь острым коленом в позвонки... На мгновение передо мной мелькает запрокинутое лицо, на котором боль и испуг вдруг сменяются выражением восхищения – восхищения мною, маленькой, напружиненной, загорелой фурией...

– Лаплас, как тебе не стыдно? – Валерия уже сидит на собственных пятках посреди раскинутой возле дивана беломедвежьей шкуры и не слишком рьяно стягивает ворот своего пеньюара у горла. Впрочем, скомканной ткани явно недостаточно для того, чтобы прикрыть ее дезабилье. – Ты же взрослый мужик, Лаплас! С чего ты взялся подглядывать за нами! Тебе что, в интернете голых теток мало?

– Я не подсматривал! – я все еще держу его, упираясь коленкой в хребтину. Парень тяжело дышит, и я буквально чувствую, с каким свистом проходит через сдавленные трахеи в легкие воздух; его рубашка быстро пропитывается потом. – Вы так кричали! Я думал, что-нибудь случилось! – бормочет парень, и я прикрикиваю на него:

– А что тут, по-твоему, случилось? – и еще сильнее отвожу его плечи назад, выламывая коленкой позвонки. – *Valerie, que nous allons faire avec cette type?*¹⁵

– *Je'n sais pas...*¹⁶ Пусть поклянется, что никому ничего не скажет!

– Слышишь, Лаплас, клянись! Клянись на самом дорогом, что у тебя есть! Что у тебя самое дорогое?

– Майкрософт Виндоус, – с ухмылкой подсказывает Валерия, и я подхватываю:

– *Mon amie!* Дай ему вместо Библии мануал от ноутбука. Пусть клянется!

Я отлично понимаю, что парень намного сильнее и может одним движением локтя отшвырнуть меня, отбросить в сторону, но он слишком смущен и явно непривычен к решительному обращению с женским полом. – Клади лапу и повторяй вслед за мной: «Клянись...»

– Да подождите, больно же! – бурчит Лаплас, но стоит мне ослабить хватку, выворачивается, я теряю равновесие, лечу в сторону, слышу, как компьютерный гений ревет у меня над головой:

– Да не скажу я никому ничего! – дверь хлопает с пушечным грохотом, с серванта со звоном валятся разнокалиберные слоники и еще какие-то безделушки. Вопя: «Лаплас, ты куда?» – мы с Валерией выскакиваем следом в коридор, но дверь его комнатухи уже захлопнута. Врог бежит, он слаб, он в панике, и нас снова охватывает кураж.

– Лаплас, подлый вуайер, выходи! – пищим мы, совсем как мышата из мультика про кота Леопольда. – Выходи, бесстыдник! Ты же хотел подсмотреть за нами! Так вот мы, смотри! – мы с Валерией сцепляемся руками и отплясываем в коридоре диковинную джигу: высоко брыкая коленками, долбя пятками пол, по-козлиному подсакивая и тряся всем, что только может трястись – впрочем, последнее относится, главным образом, к моей напарнице. – Смотри, Лаплас! Когда еще увидишь такое? Лаплас, ты что притих! Неужели ты не хочешь побаловаться сразу с двумя молоденькими, смачными тетями? – запыхавшись, мы прижимаемся к двери и напряженно прислушиваемся к тому, что происходит в программистской каморке. На мгновение наши взгляды пересекаются в полумраке коридора. Видимо, Валерия понимает так, что я предоставляю ей право *coûr de gras* и нарочито вульгарно кричит:

¹⁵ Валерия, что мы сделаем с этим типом?

¹⁶ Я не знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.